

Открыв деревянную дверь художественной студии, Гу Си увидел, что на стенах висело всего несколько картин, и все они были портретами. Прямо напротив входа находился портрет его босса в молодости; на соседней стене висел автопортрет профессора Линь, изображающий её в молодости, в белом балетном платье; повернув голову, он сразу же заметил на третьей стене тёплый и уютный портрет младенца, вероятно, дочери его босса в младенчестве, милой и пухленькой. Видимо, жена босса хотела сохранить самые прекрасные моменты их семьи в этой маленькой, но дорогой её сердцу студии. По непонятной причине Гу Си почувствовал глубокое уважение и восхищение к профессору Линь.

Последняя стена отличалась от остальных — она была увешана множеством картин, за стеклом которых можно было разглядеть номера студентов и их подписи. Вероятно, это были работы учеников профессора Линь за разные годы. Эти картины, то яркие и экспрессивные, то сдержанные и глубокие, словно волны, накатывали на Гу Си, вызывая внутренний трепет. Он даже услышал, как кровь быстрее заструилась по его венам...

Эти картины нельзя было описать просто как «красивые».

Слово «красота» казалось слишком поверхностным, но его сердце уже было захвачено этой чистотой и совершенством. Особенно центральная картина, словно бескрайнее звёздное небо, погрузившееся в бездонную синеву океана. Белоснежные волны вращались, вбирая в себя самые прекрасные звёзды, а напряжение и динамика мазков передавали желание захватить всю эту красоту и сделать её своей...

Как же он не мог оторвать взгляд от этой картины! Гу Си долго смотрел на неё, словно превратившись в маленькую рыбку, плывущую с бурным потоком в самую глубину океана, где открывался новый мир, сверкающий и сияющий, полный свободы, вечности и неопишуемой красоты!

Он так хотел, так хотел обладать этой картиной...

— Разве тебе не нравится эта картина? Да и этот глупый парень просто засмотрелся на всё подряд, не обязательно ему именно эту... — старина Лю, проводив гостей, с недоумением спросил у жены, которая ела фрукты.

Неизвестно, где его ученик научился так нарезать яблоки: часть кожуры была срезана, а часть оставлена, чтобы получились милые заячьи ушки. Детская забава, совсем детская! Старина Лю тоже попробовал кусочек, прожевал и слегка нахмурился — всё же полностью очищенные яблоки вкуснее...

— Ха-ха-ха, этот малыш только на эту картину смотрел с таким восхищением, — профессор Линь, вспомнив, как тот каменнолицый юноша смотрел на картину, не могла сдержать смеха. Даже его обычно тусклые глаза загорелись.

— Кхм, какой ещё малыш?! — старина Лю рассердился, раздувая щёки. Он ещё не стар! — Ему уже 25-26 лет, не нужно так баловать этого тупоголового!

— Я его не балую... А ты, старый, не ревнуешь ли? — профессор Линь улыбнулась так нежно, что морщинки в уголках её глаз стали ещё заметнее. — Да и оригинальный автор здесь, раз уж он не возражает, то пусть малыш заберёт её...

— ...

— В конце концов, позже мы получим ещё более прекрасную картину. Нужно уметь отпускать, чтобы получать, ха-ха-ха...

Видя, как жена смеётся, старина Лю почувствовал, как камень с его сердца упал. Их дочь выросла и твёрдо идёт по своему пути, оставив родителей далеко позади. Два пожилых человека, хоть и с сожалением, но смирились с этим.

К счастью, вокруг них всегда было множество учеников, которые требовали их внимания и заботы, и жизнь продолжала быть насыщенной и яркой...

Очнувшись, Гу Си почувствовал, как прохладный ветерок касается его лица, и понял, что он идёт обратно в общежитие с тем симпатичным младшекурсником.

И та самая картина, от которой он не мог оторвать взгляд, была в руках этого младшекурсника?!

Неужели он действительно так бесстыдно попросил эту картину?! Очевидно, что картины на той стене были работами учеников профессора Линь, и они висели там как память и напоминание! [qaq] Он уже не помнил, что именно сказал, но сейчас нужно срочно вернуть её и извиниться...

Майский вечерний ветер был очень приятным, под оранжевым светом фонарей высокий красавец шёл впереди, держа длинную картину, а за ним, как тень, следовал мрачный Гу Си. Проходящие мимо студенты могли подумать, что стали свидетелями сцены из фильма ужасов, где за героем следует злой дух...

Вэй Яньцзин вздохнул, бросив взгляд на своего старшекурсника, который шёл позади, весь в напряжении и смущении. Непонятно, о чём он снова думал. Немного сбавив темп, они пошли рядом, хотя разговор не завязался, атмосфера была удивительно спокойной и гармоничной.

По крайней мере, этот старшекурсник, который был на полголовы ниже, больше не издавал странных звуков, хотя его лицо становилось всё мрачнее.

Кажется, он нервничает и сомневается?

Или... ему не нравится картина, которую он держит? Действительно, техника в этой картине ещё незрелая, цветовая гамма слишком проста, композиция ограничена и шаблонна, это не

шедевр для коллекции...

— Старшекурсник, ты недоволен этой картиной?

— Конечно нет! Эта картина прекрасна! Мне она очень нравится!

Гу Си инстинктивно возразил, но сразу же пожалел об этом. Его ответ прозвучал слишком резко, и это могло вызвать недовольство. К тому же, он и этот симпатичный младшекурсник были, в лучшем случае, знакомыми...

Под давлением того, что казалось сиянием святого света, Гу Си, заикаясь, объяснил:

— Э-эта картина очень красива, для меня она безупречна! Но я не отнял ли её у кого-то? Я думал, может, стоит вернуть её профессору Линь... но не будет ли это неловко...

— Хе-хе... — Вэй Яньцзин тихо засмеялся, и его улыбка была очень мягкой. — Старшекурсник, когда волнуется, становится многословным. Я думал, ты не любишь разговаривать с людьми.

— А? Я-я просто боюсь сказать что-то не то...

Гу Си поднял глаза на Вэй Яньцзина. Возможно, из-за ночного освещения его сияние не было таким ярким, как днём. Чёткие черты лица, красивые брови, прямой нос, чувственные губы — всё это чётко отпечаталось в его сознании...

Этот младшекурсник, который казался идеальным, отличался от тех, кто гнался за модой, его манера общения была очень приятной...

— Разве мы с тобой не друзья? Почему ты боишься сказать что-то не то? Раз мы друзья, можем говорить всё, что думаем, правда?

— Эм...

Его голос, как всегда, был приятным и мелодичным, и Гу Си легко поддавался его обаянию, забывая о содержании сказанного. Он чувствовал себя новичком-моряком, соблазненным сиреной, который, даже видя рифы, всё равно хочет приблизиться...

Вэй Яньцзин мельком взглянул на старшекурсника, который всё ещё выглядел растерянным, и ему захотелось потрепать его за волосы, чтобы увидеть, как он разозлится. Несмотря на то что он уже взрослый, он всё ещё ведёт себя как ребёнок...

— Или ты думаешь, что я младше тебя, и поэтому мы не можем быть друзьями? — голос над

головой Гу Си стал слегка жалобным. — Мы уже много раз встречались, гуляли вместе, выводили питомцев, я думал, ты считаешь меня другом... — в его голосе даже чувствовалась нотка грусти.

— К-конечно, мы друзья...

Гу Си, с трудом выдерживая прямой взгляд Вэй Яньцзина, принял это звание «друга». Но, в конце концов, он всегда был таким мягким и терпеливым, похожим на его соседа по комнате, который был как кондиционер для всех. Если он мог ладить с соседом, то и с этим симпатичным младшекурсником у них, наверное, получится дружить...

<http://bllate.org/book/15529/1380631>